

Сергей Понимаш

Просто Проза

Абсолют

Сергей Понимаш
Просто проза. Абсолют

«Издательские решения»

Понимаш С.

Просто проза. Абсолют / С. Понимаш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516436-0

Одинаковые варианты человеческих судеб и суждения чёрно-белых огней вымышленного, переплетены в тупике желаний и доведены до Абсолюта. Часть рассказов ранее была опубликована в сборнике «Абсолют».

ISBN 978-5-00-516436-0

© Понимаш С.
© Издательские решения

Содержание

Просто Проза	6
1000 Мотыльков	6
Фотографии	9
Последняя нить	13
Созвучие	15
Глава 1 «15 сентября»	15
Глава 2 «22 сентября»	15
Глава 3 «28 сентября»	16
Глава 4 «3 октября»	16
Глава 5 «10 октября»	16
Глава 6 «15 октября»	16
Глава 7 «23 октября»	17
Глава 8 «25 октября»	17
Глава 9 «1 ноября»	17
Пальцы – улицы	18
Утренняя звезда	21
Закон Жизни	23
Глава 1	23
Глава 2	23
Глава 3	24
Глава 4	25
Глава 5	25
Глава 6	26
Глава 7	26
Планета яблок знаний (откровения Бога)	28
Глава 1	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Просто проза Абсолют

Сергей Понимаш

© Сергей Понимаш, 2020

ISBN 978-5-0051-6436-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Просто Проза

1000 Мотыльков

Множественные раны покрывали мое тело, из которых обильно шла кровь. Лежа на земле, я понимал, как тяжело мне будет встать опять на ноги, но мысль о моей любви не давала мне покоя. Я пытался подняться, честно, но всякий раз лишь падал от усталости обратно. И тогда я заснул, вырубился, потому что больше не смог ничего сделать. Только спустя время я смог подняться на колени, прежде чем, облокотившись о стойки пешеходной лестницы, встал на обе ступни. «Я иду к тебе, любимая», – прошептал я в тишине.

На ночном небе не было ни звезды, и я шел, спотыкаясь, к ее дому. Я знал: там мне не рады, и дверь закрыта, и окно заперто, но тысячи мотыльков не летят так просто в темноте. Они появились возле ее дома, прямо возле порога, и я понял: это судьба. Я всегда верил в тысячу мотыльков. Они, как иллюзия, но только на самом деле являющаяся правдой. Я пока не знаю, как я зайду в дом, но знаю одно: мне помогут мотыльки, они помогли мне найти любовь, а теперь помогут вспомнить о своей участи. Я буду верен тебе, и я найду тебя даже там, где и искать не следовало бы. Каждый шаг, словно удар по моей спине, отдается во всем теле болью, но я приду, несмотря ни на что. Я уже совсем близко, я чувствую ее, она там, где и должна быть: в своей кровати тихо спит. И я вижу окно. И вот они сияют в ночном свете и порхают своими мелкими крыльями прямо над ее окном. Порхают, шепчутся и светятся, превращая яркий белый цвет в сине – голубой. Я не буду стучать в ее дверь, я так решил, она все равно меня не впустит. Тяжело быть мной, ведь, по правде говоря, я мало кому нравлюсь. И я не жду этого от нее, я просто хочу еще раз ее увидеть. Во сне она не сможет меня отвергнуть или, того хуже, прогнать вон. Она не сможет сказать мне «нет», а я смогу сказать ей, что люблю ее, пусть даже она меня не услышит. В моем случае это единственный шанс признаться в любви. Возле ее двери есть лестница, ведущая в окно, что ж, это хорошо, на это я и рассчитывал. А мотыльки все следят за ней, они ее охраняют, словно спящую красавицу. Летают то там, то сям, и нигде надолго не задерживаются.

– Мотыльки, что было бы, если бы я был другим? Почему я вынужден всю жизнь следить за ней в темноте, ведь я люблю ее?

Но они молчат. Я никогда не пойму, что мне нужно сделать, чтобы ее добиться, да это и не нужно, ведь мне хватает одного взгляда, чтобы понять, что я ее недостоин. Теперь мне нужно залезть наверх, это будет довольно сложно при моих – то ранах, но что делать, выхода у меня нет.

– Мотыльки, пошли прочь! Вы мне мешаете.

Но они меня не слушают. Первая ступенька далась мне легко, зато на второй я чуть не упал вниз и, глядя, как шатается вся лестница, я решился и перепрыгнул со второй ступени сразу на четвертую. Шум в голове начал отдаваться в сердце, и я понял: он олицетворяет всю боль в целом. Лестница длинная, и на третий этаж я смогу добраться только спустя время, но оно того стоит. Память о ней заставляет мое сердце биться в два раз чаще, и в то же время я понимаю, что увидеть меня она никогда не сможет. Не потому, что я этого не хочу, просто ей нельзя этого делать. Я не вписываюсь в ее мир, а она – в мой, и на этом точка. Ступеньки по – прежнему нависают над землей, их много и расположены они высоко, но я поднимаюсь. Раз за разом я все выше, но мне предстоит еще долгий путь. Эта лестница – такая длинная, и мне кажется, что она не закончится никогда. Где – то далеко я слышу голоса, они велят мне спуститься, но я поднимаюсь дальше. Руки сами хватаются за поручни, а ноги перешагиваются через ступеньки. Второй этаж уже позади, в окне я вижу усталую собаку, спящую на диване.

Каждая ступень отдается болью, и мне нелегко, ведь раны дают о себе знать. Мотыльки жгут лицо над ее окном, я уже слишком близко и ощущаю их дыхание у себя на теле. Они пронизывают огнем мои кости, но я терплю, что есть силы, и поднимаюсь выше. Внезапно я теряю контроль над собой и, шатаясь, падаю в окно. Оно настежь отворяется, и она открывает глаза. Она проснулась и увидела меня, но не испугалась. Ее глаза смотрят на мое израненное тело с неммым вопросом. Она почти не видит меня, и лишь томное свечение тысячи мотыльков освещает комнату.

– Здравствуйте, вам чем – то помочь? – спрашивает она своим прекрасным голосом.

– Нет, – отвечаю я. – Я уже получил то, что хотел, и теперь могу уходить.

– Вы так быстро уйдете?

– Видите ли, я спешу, мне нельзя оставаться дольше, это вопрос жизни и смерти.

– А зачем вы приходили?

– Чтобы увидеть вас. Вы так красивы... – наступило нелегкое молчание. – Ну, все, мне пора.

– Постойте, я вам действительно нравлюсь?

– Да, больше всего на свете. Я готов умереть за вас, если представится такая возможность.

– Зачем же умирать, вы могли бы прийти завтра опять.

– Об этом не может быть и речи, меня вообще здесь не должно быть. Понимаете, я не тот, за кого вы меня принимаете, я не человек.

– А кто вы?

– Ограничимся тем, что я из другого мира.

– Из какого?

– Из того, где нам нельзя быть вместе. Я чужой здесь, и лишь ночью я могу приходить и любить кого – то, ведь это моя кара: влюбиться в девушку из другого мира, с которой мне нельзя быть вместе. А мотыльки – это моя боль, они заставляют меня вспоминать о моей участи, о моем долге. Когда я их вижу, сердце начинает сильно колотиться, а из ран сочится кровь. Прикосновение к этим мотылькам невозможно, я умру, если буду любоваться ими. И они всегда там, где вы. Но я не боюсь их, я не боюсь боли, главное, что я увидел вас, а теперь мне пора, я буду любить вас дальше, но уже один и далеко отсюда.

– Не надо уходить, вы делаете себя несчастным.

– Так надо, это моя судьба.

– А что, если нарушить запрет, если перестать подчиняться их нелепому закону, вы ведь можете быть счастливы, вы мне тоже нравитесь.

– Вы не знаете, кто я, будет только хуже. Я должен уйти.

Повернувшись к окну, я начал отдаляться от нее, но не смог сделать и шага. Она подбежала ко мне и поцеловала в губы. Те мгновения, что я провел вместе с ней, были незабываемыми, я был счастлив, ведь об этом я не мог даже мечтать, но в тот же момент мотыльки ворвались в комнату и полетели прямо навстречу мне. Тысяча мотыльков, словно рой пчел, начали кружить надо мной, завывая свою заунывную песню, и я понял: мне пора.

– Прощайте, я вас никогда не забуду, – сказал я, быстро выскочив из дома.

Я долго бежал по лесу, не оборачиваясь, но ощущая их присутствие у себя за спиной, прежде чем понял, что силы мои иссякли. Я упал на колени и начал молиться своему богу. Я молился, чтобы он спас мою душу, и чтобы она не затерялась среди других блуждающих душ. Я обернулся, но мотыльков уже не было, мои раны перестали болеть, а голова – кружиться.

– И что же было потом? – спросил маленький мальчик, ставший мне другом еще до моей любви к девушке и до моего наказания быть вечным заложником мотыльков.

– Потом я ушел, долго бродя по лесу, я вышел на дорогу. Шагая по ней, я набрел на распустье и, прочитав заклинанье, отправился обратно в свой мир.

– Но разве вам не хотелось вернуть свою любовь? Встретиться с ней снова? Снова обнять и поцеловать?

– Об этом и речи быть не может. Видишь ли, мотыльки – очень находчивые существа, они – как обязанность, которую я должен выполнять всю жизнь. И дня не проходит, чтобы я не думал о ней, но мотыльки не позволят мне быть с ней рядом.

– Мотыльки так жестоки. Почему?

– Они как инструмент в руках Бога, который наказывает всех тех, кто противится его воле и идет туда, куда не следует. Я получил свои раны, когда мне было 18 лет: решив, что мне никто не нравится, я прочитал заклинание и сказал, что хочу увидеть самую красивую девушку из параллельного мира. Когда я увидел ее, то влюбился и понял, что хочу встретиться с ней, но меня наказали, и теперь тысяча мотыльков вечно рядом с ней.

– Но почему тысяча? Почему не какое –нибудь другое число?

– Ровно тысяча мотыльков, по – другому и быть не может. Ровно столько ран на моем теле, понимаешь, это равная симметрия между моим телом и ними.

– И что же ты теперь будешь делать?

– Ждать и вспоминать о ней, ее лицо навечно отпечаталось у меня в памяти.

– А как же другой мир? Там ты еще появишься?

– Туда путь мне уже закрыт, это не значит, что я не смогу прийти туда. Просто это равносильно моей смерти, ведь они там ждут меня.

– Как ты думаешь, эта девушка тебя вспоминает?

– Наверное, но какая разница, нам не быть вместе. И я, к сожалению, смогу ее увидеть только у себя в воображении, вспоминая о нашем прекрасном поцелуе.

Внезапно я услышал чей – то стон и понял, что он доносится откуда – то рядом. Кто – то нуждается в моей помощи, и я должен его спасти.

– Пока! – я попрощался с мальчиком и пошел навстречу голосу.

Прошло немного времени, прежде чем я увидел тело израненной девушки. Оно лежало на полу, а из многочисленных ран текла кровь. Она была прекрасна, девушка из параллельного мира, которую я всегда любил и, несмотря на все увечья, я понимал, что жить без нее не смогу.

– Очнитесь, – сказал я. – Придите в себя, вам не нужно здесь быть, уходите.

– Уже слишком поздно, – откашлявшись, сказала девушка. – Память о вас заставила меня пойти на ужасный поступок.

– Что случилось?

– Когда вы ушли, я прочитала заклинание, чтобы найти незнакомца, вломившегося в мое окно посреди ночи. И оно показало вас. Я пришла к вам, и теперь сама не знаю, что мне делать.

– Зачем вы сделали это?

– Не знаю, мне кажется, что вы мне нравитесь очень сильно, настолько, что я готова пожертвовать своей красотой и обречь себя на раны, чтобы оказаться здесь.

Я обнял ее и поцеловал, из наших губ сочилась кровь, а ноги подкашивались, но мне было все равно. Мы любили друг друга. И только тысячи мотыльков жалили нас во время поцелуя, напоминая о нашей судьбе.

Фотографии

Лиза с детства любила фотографии. Она любила природу, одиночество, ход мысли, когда ничто не мешает. Он ведет ее туда, где еще не был ни один человек.

Когда ей было пять лет, она фотографировала с помощью старого фотоаппарата, с заедающей кнопкой. Фотографии получались черно – белые, но они отражали ее мечту, веру в мир, созданный человеком. Тот мир, где живет только создатель фотографии, он может его поменять, разорвав, и создать заново.

Сейчас она смотрела на фотоаппарат и вспоминала с трудом, как радовалась каждому творению. Он был бесполезен сейчас, в эпоху современной технологии, где царили пиксели и высокие разрешения. Но она отчетливо помнила, что никогда в жизни так не радовалась проявке фотографий, как тогда. Она бережно хранила их в альбоме, и часто, когда на улице шел дождь, вспоминала о том времени с помощью старых фотографий.

Сейчас ей было двадцать пять, она была не замужем, и не хотела отношений. Лиза имела высшее образование. Она была экологом по специальности, но никогда не работала по этой профессии. Она вообще никогда не работала, ей этого не хотелось. И была причина, которая объединяла ее стремление создавать мир и оставаться дома. На ее фотографиях не было людей. Она снимала природу нетронутую, безлюдные улицы, пустые детские площадки, и представляла себя внутри.

Она не понимала других людей, стремящихся заработать денег, познакомиться, общаться и, опускаясь, подниматься обратно, для нового прыжка в неизвестность. Ей были чужды мысли других людей, их чувства и эмоции. Зачем понимать других людей, если есть собственные проблемы и стремления? У ее нерешенных вопросов было решение, точнее был мир, куда она уходила, чтобы найти себя.

По субботам она фотографировала, выбирала место и делала одну фотографию, чтобы любоваться ею всю неделю. Перед сном она смотрела на нее и представляла себя возле полей, деревьев, озер и сине – зеленого заката, туманного и старомодного. И ей снилось место, где она делала фотографию, только теперь она была там, где нет законов, запретов и других людей. Лишь свобода: бескрайняя, такая, какой она была ей нужна. Лишь время всегда останавливало ее. Она просыпалась и понимала, как мало времени провела там, и всегда хотела вернуться, но сделать этого не могла. Там, где она была, никто не следил за ней, никто не говорил, что ей делать и зачем жить. Никто не говорил ей о будущем и о никчемности собственного существования. Но она не знала, почему всего раз она могла попасть туда. Потом оставались лишь воспоминания и фото.

Как реален был этот мир? Ее всегда занимал этот вопрос. И она сама отвечала на него. Он был абсолютно иным. Это была другая жизнь, непохожая на ту, где она родилась. Это место было настоящим. Туда нельзя было прийти. Оно находилось вне каких – то границ. Как хорошо было там и как скучно здесь. Все хорошее имеет свойство заканчиваться, и пусть сейчас она жалеет об этом. Завтра она вновь постучится туда и будет надеяться, что ее впустят. А может быть, даже разрешат остаться. Кто знает? Она также не знала, что творится там, когда ее нет. Может быть, там отдыхает кто – то другой, или там творится что – то плохое. Но ведь она сделала фотографию, и этот мир определенно должен был принадлежать только ей.

Когда она выбирала место, оно не обязательно должно было быть безлюдным, но в кадре не должно было быть людей. Иногда она размышляла и боялась рожденного в мире фотографий. Он не мог быть в кадре, но это не означало, что его не было. Он мог вторгаться в ее мир так же, как и она. Мог исследовать его или подписывать фотографии, создавая границы там, где Лиза, казалось, ощущала свободу. Лиза боялась, что он мог стереть фотографию тогда,

когда она находилась в его мире, оставив ее там насовсем. Она не смогла бы вернуться, и ей пришлось бы увидеть его, что делало путешествие опасным.

Лиза смотрела на фотографию и представляла себя в лодке посреди озера. Ветер медленно вел ее вперед, покачивая, пока она наблюдала за поведением рыб в воде. Она была одна, но где – то далеко, возможно, стоя за деревьями, за ней кто – то наблюдал.

– Она приходит сюда все чаще.

– Знаю, в том мире она никому не нужна.

– Она здесь так счастлива. Неужели там так плохо?

– Она счастлива, потому что ничего не знает, если бы она здесь жила, вряд ли бы ей понравилось?

– Она остается тут все дольше, а мы даже не знаем ее имени.

– Мы не знаем, зачем она приходит, что ей здесь нравится, не знаем, откуда она.

Жители мира фотографий отвечали вопросом на вопрос и не решались поговорить с ней. Лиза не слышала их и не пыталась найти. Они были там, где ей не суждено было их видеть. Ей нравилось спокойствие в этом мире. Ей нравился мир, пока он принадлежит ей.

Лиза любила жизнь. Она делала снимок, зная, что место, которое она выбрала, останется таким навсегда. Старые фотографии выглядели новыми, потому что сохраняли истинный вид. Они были настоящими. Лиза знала, что такое красота. Она не стареет, не меняется и не умирает, сохраняя свой облик, в отличие от людей. Она не снимала их, потому что видела, что каждую секунду с ними что – то происходит. Она не снимала себя, потому что хотела выглядеть счастливой. Такой, какой была когда – то. В мире фотографий она представляла себя такой. И знала, что будет представлять всегда, несмотря на возраст. Она не снимала себя, потому что не хотела быть другой. Все, что меняется, – настоящее.

Время останавливало Лизу, оно ее сдерживало и защищало от перемен. Лиза жила тихой жизнью, но это не означало, что она все время была дома. Иногда она выходила, чтобы посмотреть фильм в кинотеатре, иногда – из – за необходимости покупать еду в супермаркете. Жизнь нужна для того, чтобы жить, а не для того, чтобы прятаться. Лиза понимала это и все равно любила одиночество, любила человеческие мысли, а не людей. Когда она выходила на улицу, то становилась уязвимой, каждый, кто смотрел на нее, мог составить о ней мнение. А она не могла знать, плохое оно или хорошее. Как – то выйдя во двор, она увидела человека в черном костюме. Он разговаривал по телефону, но, увидев ее, прервал разговор.

– В этом мире она никому не нужна, – сказал он, посмотрев на нее, и через секунду продолжил телефонный разговор.

Лиза почувствовала страх. Он как будто следил за ней, зная, что она любит экспериментировать, плавая по другим мирам. Путешествуя и иногда подолгу оставляя свой мир незащищенным. Такое странное совпадение, но она успела очнуться, выбежать на улицу, смотря ему вслед, но опоздала, увидев лишь проезжающую машину. Женское такси розового цвета быстро мчалось вперед, на багажнике красовалась надпись «Она счастлива и приходит сюда все чаще». Обычная машина с корявой надписью. Кто – то заметил ее в другом мире. Ей хотелось сказать: «Не лезьте в мою жизнь. Не мешайте мне думать, ходить, жить так, как мне хочется». Но кто – то уже расставил границы и намекал ей на то, что ей там не рады. Она смотрела вперед, пыталась заметить предлог там, где его не было. И, в конце концов, пошла обратно. Что будет дальше, сможет ли она прекратить свой путь в мир фотографий, сможет ли быть такой, как все? Лиза смотрела в окно и не видела ничего интересного, затем подошла к зеркалу.

– Я – не король, – сказала она, и ее отражение ей улыбнулось.

Как в старом спектакле, Лиза играла, а не жила. И большинство людей играют, пытаются играть, так как все, чтобы не выделяться, чтобы их приняли в круг людей, играющих в рамках общедоступных правил. Лиза не понимала, зачем быть такой, какой хотят тебя видеть. Она всю жизнь боролась с правилами, шла за границу правильности. Если ее не осуждали, значит она

что – то сделала не так. Где – то согласилась с другой своей личностью, пытающейся навязать рекламируемые стереотипы. Нет, конечно, она не остановится на полпути, пусть не пугают ее записками, она не сможет предать себя, ведь никогда этого не делала. Когда наступит время, она откроет дверь. Если ей не рады, пусть скажут в лицо.

«Как интересно мечтать о том, чего нет, – думала Лиза, – но о том, что будет когда – то». Кто – то умеет слушать, кто – то умеет жить, а Лиза умела мечтать. Но ей никогда не удавалось предсказать будущее. И ей нравилось это, ведь если знать, что будет, жизнь кажется скучной, а так она загадочна и интересна. Интересна для тех, кто умеет ждать. Однако, когда наступило время, она не очутилась в месте, сотворенном ее фантазией. Она не шагнула вперед, не смогла ни представить, ни ощутить ту иллюзию, которая приходила к ней в мгновение истины, когда она была прозрачна и чиста. Фотография оставалась лишь куском бумаги, бесполезным, так как Лизе он предназначался лишь затем, чтобы войти в него и осознать свое существование.

Что – то пошло не так. Она не потеряла веру, и ею не управлял страх. Лиза знала, что это большой мир, где нет места маленьким людям. Земля, по которой она ходила, и воздух, каким она дышала в настоящем мире, был похож на воздух в ее мире, но все – таки был другим. Там она дышала полной грудью, а здесь лишь существовала. Она не ощущала себя особенной, а шла по дороге, как и все, чтобы купить еды, проехать в автобусе и слиться с многочисленной толпой. Она не любила людей, но была такой, как все. Наверное, это означало лишь собственный минимализм. Лиза не любила себя, но любила оставаться одна, и сейчас что – то пошло не так, и она не знала, кто должен сказать ей, почему. Она вспомнила себя, пять лет назад, когда она все еще пыталась общаться с людьми, пыталась их понять, поставить себя на их место, влезть в их шкуру. Но каждая попытка разочаровывала ее, и она понимала: в людях нет ничего интересного. Они эгоистичны, однообразны и примитивны в своем стремлении добиться чего – то в жизни. Большинство мотивировано на успех лишь из – за чувства собственной жадности, которое просит каждый раз все больше и больше, и, если голод не удовлетворить, никто не знает, на что может пойти человек. Когда она видела это в людях, ей становилось противно от того, что она – часть социума, и лишь дома она была далека от них настолько, чтобы остаться неприступной и нетронутой в своих размышлениях.

Время шло равномерно. Лиза все чаще оставалась дома и редко выходила на улицу, лишь затем, чтобы купить еду. К ней никто не заходил, и она перестала фотографировать. Она сравнивала жизнь с лестницей во мраке, где не видно конца, где каждая ступень загорается, и человек понимает, что идет дальше. Она жила, а значит шла вперед, и менялась, оставляя свою красоту в прошлом. Как бы ни хотелось оставаться там, вопреки движению, она не могла противостоять этой силе. Все меняется, все живет, стареет и рано или поздно гаснет, пока что – то другое в это время загорается и начинает жить вновь. Это по – своему чудный процесс, благодаря которому человек учится ни о чем не жалеть. Лиза понимала это и пыталась смириться, но воспоминания были такими живыми и приятными, что ей казалось, будто она шагнула назад.

Нельзя оглядываться назад, не замечая того, что происходит сейчас. Когда не знаешь, что делать, единственный выход – понять, что то время прошло. А что для нее сейчас фотографии? Место, куда нельзя вернуться, мир, который нужно забыть, чтобы жить дальше. Разорвать фотографии, чтобы стать другой, заново родиться, и стереть память, которая тянула ее назад.

Иногда в жизни нужно что – то менять, чтобы жить дальше. Лиза осознавала себя девушкой, человеком, разумом. Сегодня ночью она не могла понять, как долго можно падать вниз и не чувствовать при этом столкновения с землей. Это ощущение может быть приятным. Ощущение самоубийства может быть приятным. Оно реально, потому что не ощущаешь боли, а лишь полет в неизвестность. Но разве это правильно? Пока ты живешь, частица тебя стремится умереть, почувствовать, как замедляется время и учащается сердцебиение. Как секунды становятся важнее прожитой жизни. А потом все меняется, становится другим, не имеющим

цены и веса. Человек может ощущать себя предметом. Безусловно. Он может слышать в сто раз сильнее и видеть в сто раз лучше, но оставаться немым и неподвижным, лишь смотря, что творится вокруг. Он может быть стеной полуразрушенного дома, но оставаться живым и наблюдать круговорот жизни. Смотреть, как все меняется, становясь таким, как он. Человек может быть чем угодно.

Последняя нить

Я пришёл к выводу, такому, от которого голова идёт кругом. Меня пронзили тысячи нитей, и я стал совсем маленьким. Таким, каким был когда – то. И я понял одну истину – я не могу быть другим. Это плохо. Плохо то, что я не хочу ничего менять. Я боюсь. Эти строки – мусор, но в них я нахожу себя. Когда всё закончится, я буду далеко. Так далеко, что меня никто никогда не найдёт. Это правда. И время всё время меня контролирует. Я нахожусь в его рабстве. Я ощущаю его давление, и могущество. Опять лазурное небо становится невыносимым. Я очень устал. Вот все думают, что всё у тебя прекрасно, и никто не знает главного. А главное – это то, когда пронзает последняя нить. Она бьёт прямо в мозг, и ты всё осознаёшь уже на другом уровне. Я всегда знал, что рано или поздно это случится. Боятся этого бессмысленно, ведь когда –нибудь каждого пронзит эта нить. Ничего тогда не изменишь.

Мне повезло в одном, я остался жив. И теперь я могу поделиться со всеми своим опытом. Сейчас, как мне кажется, самое время. Вы понимаете почему. Остановка уже близко. Значит скоро выходить. Мне сейчас так спокойно, потому что я всё знаю. Когда всё знаешь, ничего не страшно, даже страшные вещи, ведь ты к ним готов. Путь опять начинается и заканчивается. Как вы думаете, о чём я? Вы думаете, я не в своём уме. Но, прежде чем осуждать, попытайтесь понять человека, который пережил смерть много раз. Я уже и не живу обычной жизнью, я её просто не замечаю. Да и человеком меня назвать трудно. Если бы я знал, кто я, то давно бы уже всем объявил, но у меня нет названия. Я просто существую. И ощущаю я всегда одно и то же – равнодушие. И сейчас я в очередной раз пишу это письмо, с надеждой, что меня всё – таки хоть кто –нибудь прочтёт.

Я когда – то открыл одну дверь. Это было очень давно. Представляете, а там ничего. Просто белый свет. Но потом я всё – таки пригляделся и увидел, что белый свет – не белый. На самом деле белого света не бывает. И вот когда я это понял, меня пронзила первая нить. Мне чрезвычайно жаль, что вы меня сейчас не понимаете. Никто никогда сразу не поймёт, пока не дочитает до конца. Так вот когда меня пронзила нить, мне показалось, что я стал уходить куда – то от самого себя. Я как будто разделился на две части и стал отдаляться. А потом оказалось, что меня намного больше. Меня очень много, и каждая моя часть стремится уйти. Зачем? Сейчас рано задавать этот вопрос, но потом я на него отвечу. Позже меня начали пронзать нити постоянно, и я уже не мог нормально ходить. Я двигался, но очень медленно, и всё время спотыкался. А когда я понял, что нельзя уйти окончательно, то стал единым целым. Когда я начал контролировать себя, то увидел всё уже другими глазами. Фактически до этого я никогда правильно не смотрел. И белый свет, какой же он на самом деле чёрный. И это чернота стремится попасть прямо в сердце, в душу забирается и разъедает всё изнутри. Нить за нитью. Я уходил и возвращался. Для вас это сложно, но не для меня. И всякий раз я становился меньше. Я уже забыл, каким я был когда – то. И в этом нет ничего плохого. Собственно, одни только плюсы, и всего один минус – белый свет. Он разочаровывает. Я пытаюсь его найти, но его нет. А ведь в белом свете весь смысл кроется. Знаете, мне раньше казалось, что если родился какой – то свет, то он таким и останется, но теперь я знаю, что это не так. Если белый свет и был белым когда – то, то он уже давно не такой. Но его можно вернуть, чтобы он стал опять белым. Но это очень сложно. И чтобы это сделать, нужны миллионы рук. А это невозможно, а значит бессмысленно.

Один раз мне показалось, что я что – то могу изменить в этой жизни. Но я заблуждался, и теперь задыхаюсь. Хоть и до главных теней я пока не добрался, я знаю одно: там, на светлой стороне, есть выход. Где нет страшных огней действительности, а только её эхо. И становится неважно, насколько плохо было когда – то. Есть то, что за гранью распада линий боли. Когда становишься на колени и начинаешь говорить с эхом, то оно отвечает не сразу. А потом ты

понимаешь, что это и не эхо вовсе. А то, что оно произносит, стирает жизнь и выворачивает её наизнанку. Голос наговаривает странные слова, о которых ты вспоминаешь через время. Потом ты понимаешь, что просто о них забыл. Вообще вспомнить что – то можно только лишь благодаря этому голосу. Он говорит, и ты его слушаешь, как безумный, и веришь, что вот оно счастье. Великое счастье, то о котором ты никогда даже и не подозревал. И пока ты слышишь голос, с тобой начинают происходить странные вещи. О них никто не говорит, потому что никто не помнит. А на самом деле, когда время ускоряется и опускаются веки, ты не засыпаешь, ты идёшь туда, где когда – то был, а потом аккуратно возвращаешься и всё благополучно забываешь. А я запомнил, на всю жизнь запомнил этот путь.

Я не вернулся обратно, потому что знаю, что там меня нет. Я не хочу быть там, где нет правды. А правда в том, что свет, каким бы он ни был, – один. Всего на всего. Будь он хоть трижды белым, в нём будет отражаться и другой свет. Это зависит от того, в какую дверь ты зашёл, и кто тебя направил туда. Ведь никто никогда ничего не поймёт, даже если прочтёт это письмо, но есть надежда, что кто – нибудь поступит так же, как и я. Истинный свет должен быть увиденным. Я его видел однажды, неважно, когда это было. Я тогда понял одно – в мире он существует не просто так. Только нужно соблюдать дистанцию, ведь свет может поглотить полностью, и неизвестно потом, кем ты выйдешь. Не существует и не было никогда тьмы, есть только свет. Чистый и приятный.

Я стоял и смотрел на него, и в моих глазах сверкали молнии. А потом молния ударила меня. А потом я оказался у выхода в пустоту. Всё.

Созвучие

Глава 1 «15 сентября»

А ведь раньше я не боялся времени, когда приходит ночь. А теперь слышу, как эхом проносится в ушах легкая мелодия, неизвестная и приятная. Ее никто не знает, по сути, ее не существует и не было никогда. Это и пугает, потому что знаю ее только я. Созвучие. Я перестаю удивляться красоте мира и слышу только эти звуки. Они меня съедают внутри, но я не могу ничего с этим поделать. Вечером этой музыки нет, и только ночью, когда все спят, я ее чувствую. Ничего не помогает, закрывать уши бесполезно. Она пришла, и теперь я сам не свой. Мне подарили ее, или она была со мной всегда, кто знает. Пока музыка играет, мне не будет покоя, это я знаю наверняка. Каждый день – это мучение, оно как будто заставляет меня быть другим человеком. Иногда я сам себе омерзительен, потому что знаю: я не в состоянии исправить любую мелочь в этом созвучии. Оно как будто переходит из одного уха в другое и ждет, пока я что – нибудь с этой мелодией сделаю. Но я ничего не могу. Я обычный человек. Когда я пытаюсь кому – то сказать о своей проблеме, надо мной только смеются. Никто не может мне помочь, все думают, что я валяю дурака. А мне лишь хочется, чтобы я остался в тишине. Хотя бы один день не слышать эту монотонную игру.

На что похоже это созвучие? Наверное, на ряд гласных. Начинается оно с буквы «а» и тянется долго, а потом включаются другие гласные, такие как «о» и «и». Потом играет музыка, такая медленная, как будто взятая из прошлых веков, но буквы по – прежнему слышны. Они не покидают этой мелодии, и заканчивается она утром, часов в пять. Только тогда я могу уснуть. Один раз я даже увидел некую картину. Я как будто бы спал, мелодия играла, и я увидел дерево, которое родилось, стало большим, зеленым, а потом начало увядать и сохнуть. Листья опали, а я слышал только «у – у—у – у—у – у—у – у—у», и «е – е—е – е—е – е—е – е». Все случилось быстро, дерево корнями уходило в небеса, но стояло прямо, а потом исчезло. Красное дерево. Как будто окропленное кровью людей. В нем нет ничего хорошего, и я думаю, оно наравне с этой музыкой может вызывать только ужас.

Глава 2 «22 сентября»

Сегодняшняя мелодия изменилась. Вместо начального «а – а—а – а—а – а—а – а» я услышал продолжительное «э – э—э – э—э – э—э – э—э – э», и местами оно переходило в «и – и—и – и—и – и—и – и—и». Потом началась музыка, и как будто я опять стал ребенком, как будто мне снова исполнилось пять лет. Музыка вернула меня в то время, когда я ничего не помнил, а теперь я как бы увидел то, что давно забыл. Эта музыка была быстрее, чем та, что играла раньше, и мне казалось, что я ее уже где – то слышал. Как будто бы я ее слышал тогда, в пять лет, только этого не могло быть, ведь я был совсем еще ребенок и не слушал музыку, а тем более такую. Она играла, и я слушал ее, как замороженный, забыв обо всем. Она быстро закончилась, и мне стало легче. Я уснул, а когда проснулся, то понял, что этот мир состоит из иллюзий. Созвучие, по сути, иллюзия, ведь оно звучит только у меня в голове и больше нигде. Я иногда думаю, что это лишь проделки моего воображения. Но почему оно настолько постоянно. Почему одинаково звучит. Эта мелодия словно развлекается со мной, напоминая о том, что я беспомощен. Я – игрушка в ее руках. Созвучие приходит постепенно, и не сразу, а ближе к середине мелодии. И тогда наступает самое страшное. Я не могу объяснить это словами, что – то похожее одновременно и на вопли, и на пение. Где взять силы, чтобы противостоять этому, я не знаю.

Глава 3 «28 сентября»

Неужели это случилось? Я перестал слышать созвучие. Мелодия прекратилась, и я стал спокойно спать по ночам. Месяц назад я стал слышать эти звуки, а теперь наступил день, когда я могу просто заниматься тем, что мне нравится, не боясь, что меня опять прервут. Музыка оставила меня в покое. Осталось много времени на собственные мысли, их накопилось достаточно, и в основном они о созвучии. Это естественно, потому что оно одно меня терзало больше месяца. Но теперь все позади, теперь я как будто излечился. Знаете, я думаю, созвучие – это что – то простое и в то же время возвышенное. Ничего конкретного написать не могу, знаю только, что оно такое ровное, что его ни с чем не сравнишь, оно – это напоминание или предупреждение. Я думаю, созвучие, когда оно приходит, является не просто так, а что – то хочет донести до человека. Оно у меня ассоциируется с красотой, такой, что вызывает страх, потому что оно какое – то нереальное и одновременно правдивое. Пришедшее из другого века, оно предопределяет жизнь. Меня оно уже не трогает, но раньше я терял полжизни на эту мелодию и не понимал, что она – это я. Когда мелодия переходила в созвучие, я будто ощущал страх перед неизвестностью, несмотря на то, что мелодия была одна и та же. Я – одно целое с ней, а может, это моя душа издает такие звуки. Это лишь догадки, однако, я считаю, что близок к цели, когда рассуждаю о душе, ведь я чувствую эту мелодию всем своим сердцем.

Глава 4 «3 октября»

Наступил новый день. Скучный и обыденный. Это странно, но я немного скучаю по тому времени, когда я слышал созвучие. Раньше жалел, а теперь мне этого не хватает. А ведь это было всего несколько дней назад. Я мог слушать созвучие и пребывать в гармонии, а теперь только сплю. Удивительно, но я будто прозрел, сейчас я сам хочу вспомнить, как оно начиналось, но теперь сделать это невозможно. Кажется, было так «а – а—а – а—а – а—а – а—а – а—а – а», а что потом, я не помню.

Глава 5 «10 октября»

Вот и все. Зачем жить, если жизнь бессмысленна. Я такой же человек, как и все. Во мне нет ничего особого. Созвучие, вернись, пожалуйста! Я как будто умоляю, стою в час ночи, тогда, когда созвучие обычно приходило, возле окна своего дома и прошу мелодию, чтобы она вновь заиграла и перенесла меня из того, старого мира, в нынешний. Но этого не происходит. Я бы все отдал, чтобы оно вновь появилось, но теперь созвучие под запретом. А обычная музыка не приносит ничего, кроме скуки. Каждый день я радовался чему – то, но сейчас мне все осточертело. Что на работе, что дома – одна обыденность, ничего интересного или особенного в моей жизни не происходит. Я понял одну вещь: что пока я жив, то должен узнать, что означало созвучие. Для меня это вопрос всей моей жизни. Нет, вопросов много, но главный из них я еще не озвучил: смог бы я отказаться от своей прежней жизни и наслаждаться этой мелодией снова и снова?

Глава 6 «15 октября»

Опять ничего не происходит, может, мне покончить со всем этим и наложить на себя руки? Теперь эта мысль приходит ко мне постоянно. Я бы и спал ночами, но не сплю, все жду, когда созвучие вернется. А вернется ли оно, ведь раньше мне оно не нравилось. Как же так случилось, что теперь я жду его, как сумасшедший. Сажу и жду ночами напролет. Меня

как – то спросила жена, что я делаю ночью и почему не лежу в кровати, а я даже не знал, что сказать. Я люблю свою жену и детей, но теперь я от них отдалился. Стал другим, и сам чувствую, что никогда уже не стану прежним. Я боюсь смотреть на себя в зеркало, потому что теперь я изменился до неузнаваемости. Главным образом, я похудел и стал хуже видеть. Мое лицо пожелтело, и стала шелушиться кожа. Я как будто чем – то болен, но в мире еще не выявили такую болезнь.

Глава 7 «23 октября»

Созвучие вернулось. Я услышал его в 9 часов вечера и сразу побежал в единственный магазин, который работает в это время, за синтезатором. Меня захватила идея написать эту мелодию, чтобы она была со мной всегда. Я плохо соображаю в музыке, но думаю, что научусь, так как от этого зависит моя жизнь. Я не смогу жить нормальной жизнью, пока не сделаю созвучие реальным. Оно будет напоминать мне о том времени, когда я был пятилетним мальчиком. Оно больше не вызывает ужас. Я к нему привык и теперь жду с нетерпением, когда оно заиграет вновь, чтобы воспроизвести его и записать.

Глава 8 «25 октября»

Я ошибался. Я думал, что смогу написать мелодию, но это невозможно, в мире нет таких звуков, которые исходят в моей голове каждый день. Я попытался написать нечто похожее, но лишь потратил зря время. И теперь я знаю наверняка, что, если созвучие уйдет, я этого не переживу. Главное для меня теперь – это услышать те звуки. Неизведанные и прекрасные, гармоничные и всепоглощающие, они забирают меня целиком в другую реальность. Туда, где нет места простым смертным. Обычная музыка на это не способна. Я во власти созвучия. Я полностью ему принадлежу. Каждое мгновение, проведенное без него, – потерянное время. Когда оно приходит, я испытываю наслаждение. Я не знаю, как я жил раньше без него, но теперь, когда оно приходит, время как будто замедляется, и я знаю, что уже ничто не сможет меня изменить. Я был бы рад поделиться созвучием со всеми, но это не в моих силах. Созвучие так быстро заканчивается, хотя длится до самого утра. Я не совру, если напишу, что те часы, которые я провожу за созвучием, проносятся словно минуты.

Глава 9 «1 ноября»

Сегодня что – то случится. Я чувствую, что я увижу что – то важное. За созвучием прячется какая – то информация. Мне покажут ее, и я уже не буду тем, кем был раньше. Что будет со мной, я не знаю. Созвучие влияет на меня, и я становлюсь другим, более правильным, что ли. Сейчас 12 часов ночи, и вот, наконец, я слышу звуки. Они идеальны настолько, что я понимаю, что нет в этом мире более истинно важной вещи, чем эти звуки. Созвучие, покажи мне все. Проходит время, мелодия меняется, и я вижу город, мой родной город, но на улицах – ни души. Все как будто вымерло. Это будущее созвучие. Быть может, эти звуки не из прошлого, а из будущего. Вдруг я слышу голос: «Сегодня последний день, когда ты слышишь созвучие». Мелодия прекрасна, она еще лучше, чем была когда – либо, и звучит так громко, что уши слышат каждую мелочь. Голос говорит: «Завтра наступит судный день, все умрут». Я спрашиваю: «Почему?» Но голос молчит. Музыка прекратилась. Наступило утро, я спустился вниз поздравиться со своей женой и детьми, но их не было. Я осмотрел весь дом, но никого не нашел. Я вышел на улицу, прошелся по городу, но всех и след простыл, остался только я. Созвучие, зачем ты приходило?

Пальцы – улицы

Ночь. Зажглись все фонари. Алексея знобило, хотя на улице было достаточно тепло. Он торопился домой и не смотрел по сторонам. Переходил дороги на бегу, чтобы скорее очутиться в тёплом уютном месте, но путь был не так близок, как хотелось бы. И вдруг он остановился. Ему показалось, что его руки изменились. Он внимательно на них посмотрел, но ничего не увидел, и пошёл дальше. Пошёл медленнее, а потом перестал идти и остановился. Словно в голове помутилось. Как будто он один шёл по улицам. Алексей посмотрел по сторонам и не увидел никого. Он был абсолютно один глубокой ночью. А фонари горели, освещая политую после дождя площадь.

Первая мысль, которая пришла ему в голову: что – то не так. Что – то не в порядке здесь. Тишина. Вот что. Здесь ещё не было никогда настолько тихо. А тишина пугает, признал он, больше, чем шум. Он не стал идти домой. Надо разобраться в себе. В ситуации, которая произошла сейчас. Он на секунду повернулся назад, и в результате понял, что фонари позади него не горят, только впереди. Удивительно. Алексей был в замешательстве, ведь они минуту назад горели, пока он шел, а сейчас нет. «Может что – то с мозгом или глазами?» – подумал он. Он прошёл ещё одни фонари, и опять оглянулся. И опять фонари, которые были позади, погасли. «Такого не бывает, – подумал он, – или бывает?» Сейчас он не мог быть в чём – то уверенным. Дело в том, что изменилась какая – то мелочь, и всё пошло не так. Это место чужое. Он гулял здесь и раньше, сто раз, но никогда не ощущал себя здесь чужим. А теперь как будто сам не свой.

Боясь предположить, что будет дальше, он пошёл по извилистым дорогам, через тропинку, где не было фонарей, включив фонарик. Он не хотел замечать то, что уже заметил, и не хотел признавать то, что с ним что – то не так. «Так путь будет немного дольше, но зато не будет этих чёртовых, гаснущих фонарей», – сказал он себе. Он почти не видел, что вокруг, ведь было темно, и только светил фонариком на дорогу, чтобы не упасть. Везде какие – то камни. Послышались шорохи, где – то поблизости. Алексей смог осветить возле себя, но ничего не увидел. Ему показалось, что звук шелеста листьев исходил откуда – то справа. Он признался себе, что боится этого звука. Он хотел спросить: «Кто здесь?» Он хотел, чтобы это всё ему померещилось. Но услышал только: «Не бойся, Алексей!». Голос был приятным и нежным, таким певучим и ласковым. Затем он произнёс опять: «Не бойся, посмотри на руки».

– Что вам от меня надо? – спросил Алексей, нервно смотря из стороны в сторону.

Голос опять произнёс, так же медленно, как будто лаская слух Алексея:

– Посмотри на руки.

Алексей взял в правую руку фонарь, так как был правшой и осветил на левую. А затем ужаснулся. «О, Боже, – сказал он, – я не верю своим глазам! Кто я? Что я такое?» Он задал этот вопрос, когда уже было слишком поздно. Пришло осознание того, что он просто беспомощное существо в этом мире.

– Кто ты? – сказал голос. – Ты же видишь свои руки, Алексей, ты видишь, ведь, правда?

– Да, вижу. Я вижу всё.

И он видел. Видел, как левая рука полыхает огнём, но ему было не больно. Он помахал ей, чтобы хоть как – то потушить огонь, но не смог этого сделать.

– А всё знаешь почему, Алексей? Знаешь почему?

– Нет, не знаю и знать не хочу.

Он взял в левую руку фонарик, и осветил на правую, та рука полыхала тоже.

– Что со мной? – подумал он.

Голос рассмеялся также медленно. А потом сказал:

– Тебе нужно на дно. Нахлебайся воды, Алексей, и остуди своё пламя. Ты горишь!

Алексей выключил фонарь, спрятал его в карман пиджака, и пошёл быстрым шагом по знакомой дороге. Он бежал, спотыкаясь, прикрывая руками уши. Но голос исходил не из парка, а прямо из его головы.

– Ты знаешь, Алексей, я могу кричать, что бы тебе было слышнее, но в этом нет необходимости, верно?

– Да, я тебя всё равно слышу, – сказал Алексей. – О, чёрт!

Он споткнулся и упал, затем поднялся и побежал.

– От кого ты бежишь, Алексей? Остановись, пока я не сделал хуже!

– А что, может быть что – то хуже?

– Как ты думаешь, Алексей, что нужно остудить в первую очередь?

Алексей молчал, он не хотел разговаривать, с кем – то. Тем более, что он не знал с кем. «Это какое – то помешательство», – признался он себе.

– Твою дурную – дурную голову, – резко и громко сказал голос.

– Что? – спросил Алексей.

Внезапно до него дошло. Как он мог быть таким тупым? Он вообще ничего не чувствует. Кроме голоса, он вообще ничего не слышит, но это не означает, что ничего не происходит.

– Ты веришь в Бога, Алексей?

– Какое это имеет значение?

– Самое что ни на есть прямое. Отвечай!

– Нет! – уверенно сказал он.

– И я нет. Но он есть. Как думаешь, что это значит?

– Что его нет.

– Ты тупица, твоя кожа чернеет.

– Что мне нужно сделать? Оставь меня в покое! – сказал Алексей.

– Поверь сначала в меня, Алексей. Поверь в меня. А когда ты согласишься, в меня придёт Бог. Но ты ему будешь не рад. Как ты думаешь, почему все боятся Бога?

– Кто ты такой? И почему ты со мной говоришь?

– Я хочу спасти тебе жизнь, дурак! Но ты и впрямь дурак, раз этого не понимаешь.

Алексей увидел свой дом и обрадовался. И побежал скорее туда.

– Не радуйся напрасно, Алексей, пока ты в меня не согласишься, ты туда не зайдёшь. И чем скорее ты это сделаешь, тем лучше для тебя.

– И что же мне мешает?

– Я.

– Каким образом?

– Вот таким.

Не прошло и секунды, как его дом взорвался адским пламенем, из которого слышался лай диких собак.

– Ты Дьявол?

– Bravo, Алексей! Я хочу тебе помочь, теперь понятно, почему люди сначала попадают ко мне, а уже потом к Богу. Но не уходи слишком рано, быть может, тебе у меня понравится.

– Если ты не Дьявол, то кто?

– А как ты думаешь? Дьявол бы не стал бросать все свои дела и идти к тебе верно?

– А кто бы стал?

– Я долго могу отвечать вопросом на вопрос. Дальше продолжать?

– И всё же?

– Ты уже понял, что ты мертвец? Теперь твоя душа покидает тело, а я как бы говорю тебе, что нужно сделать, чтобы не усугубить ситуацию.

– Это я понял. Что мне нужно?

– Найти дно. Вот и всё.

- Это не так – то просто.
- А кто сказал, что будет просто? – сказал голос.
- Алексей задумался. И побежал в храм.
- Ты ищешь не там, Алексей. Дно может быть где угодно.
- Значит, и там найдётся.
- Но не для тебя, к сожалению. То дно для святых. Ну, разве ты святой, Алексей?
- А ты не можешь просто сказать, где здесь чёртово дно?
- В том то и дело, что нет. Ты должен понять это сам. Вот так.
- Хорошо. В парке есть фонтан, там тоже дно, оно подойдёт?
- И да, и нет.
- Что это значит?
- Смотря для чего?
- Для того, чтобы меня потушить.
- Подойдёт.

Алексей добежал до фонтана, прыгнул в воду, а затем вылез. Включил фонарик и вуаля. Действительно, руки больше не горели.

- Ты думаешь это всё?
- А что ещё?
- Ты знаешь выражение «пальцы-улицы»?
- Нет.
- Как ты думаешь, про что это?

Алексей вспомнил, как он шёл домой, и фонари гасли позади него. И потом понял.

- Фонари – это пальцы, верно?
- Верно, Алексей.
- Получается, я сам закрывал пальцами фонари позади себя.
- Получается так, – немного промедлив, голос сказал, – последнее, что тебе нужно знать, пальцы просто так фонари не закрывают. Понял?
- Понял.

Алексей медленно шёл уже не домой, с кем-то разговаривая, по пути вспоминая своих родителей, в сумасшедший дом, надеясь, что только там его смогут понять и излечить. Он был уверен, что там его пальцы смогут не закрывать фонари, потому что пальцы-улицы – это не просто слова, это его жизнь. Мелькнула мысль, что, может, вообще нужно избавиться от пальцев, отрезать то, что мешает жить обычной жизнью. В конце концов, зачем они нужны? Он решил, что без пальцев жизнь станет намного лучше. Когда он пришёл в сумасшедший дом, то увидел фонари, те же что стояли на улице, прямо в коридоре. Они сияли ярким белым светом, как бы говоря: «Ты от нас не спрячешься, Алексей!» «А может, я не в сумасшедшем доме? – подумал он. – Но где, же я?» В голове всё помутилось. Действительность расплывалась перед глазами. Алексей ощущал себя словно в бреду, и ужасно болела голова. А затем кто-то из врачей, как ему показалось, сказал: «Ты знаешь, что нужно делать, верно? И он знал, и пошёл в свою мастерскую за топором...

Утренняя звезда

Девушка стояла у окна. Который сейчас час, не имело ни малейшего значения. Она плакала, и её слёзы стекали по лицу, олицетворяя её мученическую жизнь. Она видела что-то. Под давлением солнца её глаза становились белыми. Девушка имела склонность к одиночеству. Фальшивые сны не производили на неё впечатления, но в этот раз всё было совсем не так. Во сне она увидела утреннюю звезду. «Это, наверное, очень плохо», – подумала она, когда проснулась. Это был не кошмар. Девушка смотрела на небо, пытаясь понять, что ей приснилось. Она была совсем одна. И чувство, что сейчас, с минуты на минуту, что-то произойдёт, её не покидало. Она была одержима и одновременно зачарована этим сном. И она его боялась. Боялась, что сон – это реальность. Девушка увязла в собственном необъяснимом страхе. Она по-прежнему смотрела в окно, как ненормальная. Вопреки страху она смотрела на небо, пытаясь понять, насколько глубокий ей приснился сон, но в этом водовороте заблуждений и иллюзий, она, казалось, потеряла себя полностью. Что-то изменилось. Она не закрывала глаза ни на секунду, но оказалась возле пристани.

Одинокое море холодной осенью прозрачными, лазурными волнами сливалось с небом и било мягкий, податливый песок. Сильный ветер дул ей в лицо, и девушка задыхалась. Призраки прошлой жизни повторяли одно и то же. Только то, что она пыталась когда-то забыть. Но вдруг всё всплыло в её памяти, и стало совсем грустно. В небе показалась одинокая, белая птица. Она кружила над пристанью, пока не села на неё и не стала ходить, покачиваясь, из стороны в сторону. Масляное солнце лучами освещало море, так что оно блестело, и этот его блеск отражался и в глазах девушки. Она снова плакала. Плакала, потому что в свете этих лучей, она забыла про то, как ей было хорошо когда-то. И только грусть отражалась в её глазах. Она снова плакала.

Стоя возле пристани, она как будто очутилась в другом мире. Чужом, диком, в котором она не помнила утреннюю звезду. Она забыла о страхе и была поглощена только этой картиной, и не могла пошевелиться. Холодное море слегка касалось пальцев её ног, и время как будто замерло. Но несмотря на размеренные шаги её жизни, кто-то смеялся над ней и делал это исподтишка. И только потом она догадалась, кто именно. Это была смерть. А смерть смеётся не просто так, она никогда не ошибается и выбирает момент для того, чтобы поиздеваться над тобой.

Погода стала меняться, небо стало бледно-розовым, и птица с пристани давно улетела. Солнце куда-то исчезло, не оставив после себя и следа. Девушка плакала от собственной беспомощности, оттого, что она шла в море, оттого, что в море её толкали чувства противоречия между её жизнями. Она догадывалась, чем это всё закончится, и не сопротивлялась. По правде говоря, у неё не было на это сил. С каждым новым шагом она сомневалась в себе. Каждый шаг давался ей тяжело, но она продолжала движение. Море – жестокое и властное – обволакивало её тело.

Девушка не смотрела назад, но знала, что берег уже далеко, и пути назад быть не может. Ветер усилился. Волны пытались сбить её с места, но она твёрдо стояла на ногах и медленно двигалась дальше, погружаясь в море всё глубже и глубже. И вдруг пришло осознание того, что тот путь, который она выбрала, является ложным. «А что, если я заблуждаюсь? – подумала она, – и там ничего нет. Вдруг, выход совсем не там, куда я иду?». Что делать тогда, она не знала.

Она была погружена в море почти полностью, когда появились сомнения. Но сомнения исчезли, когда она очутилась у края пропасти. Там она стояла и была уверена, что ещё один шаг и всё в её жизни будет правильно. На высокой горе она появилась неслучайно. Одинокая гора, одинокое небо и утренняя звезда. Вот она, великая и прекрасная. Мужское и женское начало (Астар и Астарт) заключены в одно измерение – то, что не подвластно осознать человеческому

разуму. Звезда озаряла путь, который нельзя было назвать по-другому, кроме как безумный. Он над пропастью сужался и уходил своими корнями в то место, где все сомнения проходят. Он был глубоко в сердце и там строил дорогу, ведущую за гранью душевного контроля.

Утренняя звезда, как ты прекрасна! И снова девушка заплакала, но это были слёзы счастья. Ради этого счастья стоит сойти с ума и умереть. Но счастье так безжалостно и мимолётно, что оно всегда требует отдачи. Ведь за всё в жизни надо платить, а за счастье, как оказалось, самую высокую цену. Когда девушка, озарённая счастьем утренней звезды, упала и полетела с края пропасти, она ощущала лёгкость и спокойствие. Что бы ни было потом, она это заслужила. Она не боялась боли и бремени судьбы. Девушка слилась с ветром и в полёте своём забыла обо всём на свете. Она попыталась в последний раз посмотреть на утреннюю звезду, но она уже была так далеко. И когда смерть приблизилась к девушке и стала дышать с ней в такт, она опять оказалась у окна.

Девушка размышляла над своей судьбой, и вспоминала, вспоминала, вспоминала. Она смотрела в окно, на небо и плакала. Ощущение полёта не покидало её. И утренняя звезда, которую она в действительности никогда не видела, так глубоко забралась ей в душу, что она не могла остановить себя смотреть на небо. Она смотрела в небо с надеждой увидеть там всё то, что видела несколькими часами ранее, когда спала. И не могла остановить свою идею проникнуть глубоко в ту часть подсознания, где прячется воспоминания об утренней звезде.

Девушка уже не понимала, как именно она увидит звезду. Её интересовало другое. Чувство счастья, которое она испытывала. Оно ведь было настоящим. И пока она вспоминала и смотрела в окно, прилетела на деревоптица, та самая, что была на пристани. И покачиваясь из стороны в сторону, шла к ней. Море, холодное и мрачное, откуда-то стало проникать к ней в дом. Но девушка не обращала внимания. Сейчас ничто не имело значения, и только утренняя звезда была ей интересна. Девушка по-прежнему смотрела в окно, и хоть утро сменяло ночь с бешеной скоростью, она не считала время, а стояла и смотрела на небо. Но утренней звезды не было видно. Её не было нигде, и горечь от разочарования поглотило девушку. Она очнулась от забытья. И увидела, что время сошло с ума. Паника охватила её. Она не знала, что делать. Всё перемешалось в её жизни.

И когда она бросилась к выходу из дома, то проснулась у себя в кровати. Девушка встала и подошла к окну посмотрела на небо. Масляное солнце, какая-то птица гуляет по траве, где-то далеко завывает ветер. И в небе едва-едва просматривается силуэт утренней звезды. Девушка не поверила собственным глазам и только потом она всё поняла. Она действительно стояла у окна и смотрела на небо, а вот то, что она видела, было загадкой. Девушка стояла у окна.

Закон Жизни

Глава 1

Ну что сделаешь, не могу я быть смелым, когда за плечами столько знаний. Не боится только дурак, так как не ведает всю сложность собственных поступков. Сегодня что-то волки распелись – не к добру. Все поют и поют, да так сладко, что страшно становится от этого воя. Они переговариваются между собой, чтобы ночью прийти и убить кого-нибудь. Растерзать и съесть живьем. Я даже не знаю, что сделать, так как понимаю, что мне некуда идти. Всюду вокруг война, а в лесу, где я, – волчий вой. Остаться нельзя, еды надолго не хватит. А тот самый главный волк, как король, готовый наброситься в одну секунду и сжать свои ослепительные челюсти у тебя на горле, так и смотрит, то из-за одного дерева, то из-за другого. И выжидает. И ждет то он, пока человек сам сдастся, потеряет рассудок, и придет к нему. И рано или поздно это наступит с нами. Умный зверь. Все было, все будет, и когда-нибудь все повторится. «Волк, я не сдамся», – шепчу я себе, а сам сжимаю руки, так что кости белеют. На улице уже изрядно похолодало. Гоню от себя мысли о суициде, но признаю, что самому выбрать смерть предпочтительнее, чем полагаться на случай. Замкнутый круг. А ведь я думал, что найду выход. Интересно, как там брат? Наверно там, внизу, по-прежнему боится волка. Он у меня умный. Такой же, как я. Но одно я не могу понять: почему другие волки нас все еще не убили? Они не знают его, но все равно не нападают на нас, только воют и кричат.

Вспомнил забавный случай. Как-то мы с братом катаемся на автобусе, и он вдруг чихает, да так громко, что дергается водитель. Он тогда даже выругался. А я расхохотался на весь автобус. Эх, где это время! Мне сейчас нужно побольше таких воспоминаний, однако память меня не балует. А что еще мне сейчас делать? Будь что будет. Назад идти поздно. Да и где тот путь? Нет, сворачивать нельзя, нужно верить в жизнь, даже там, где ее нет. Земли уже не видно, и я все выше, но так и не добрался до верха. С ветки на ветку я поднимаюсь, будто скалолаз на гору. Только без страховки, и мне еще много предстоит пройти, но я не спешу, и только тихо молюсь за нас обоих. Все чаще и чаще.

Глава 2

- Ты видел его?
 - Кого?
 - Белого волка? Он проходил недалеко полторы минуты назад.
 - Он не набросится на нас?
 - Я еще такого не видел. Он полностью белый. Но вот клыки кроваво-красного цвета. Он мог бы наброситься на нас, но пожалел и пошел дальше.
 - Так значит, нам повезло?
 - Мы идем ночью и вдалеке ничего не видим, но могу поклясться, его шерсть сияет, словно громадная свеча, или большая лампа ослепительно белого света. И это свечение не оставит нас никогда.
 - Ты все еще видишь его?
 - Нет, но я помню каждый его шаг. Сердце бьется в бешеной попытке выпрыгнуть из груди. Я испытываю уважение к этому зверю и страх одновременно.
 - Значит, мы не зря пришли сюда.
- Немного постояв посреди леса, я понял, что надо двигаться дальше, и скорее назад, пока не появилось то, что мы не можем убить.

- Майк, мы не на охоте, зачем нам искать этого волка?
- Незачем, но ведь он так прекрасен, разве ты не ощущаешь красоту этого места? Одно мгновение, и мы можем умереть, но, боже, как здесь красиво!
- Давай назад, тут холодно, я не хочу заболеть.
- Хорошо, – сказал я, – ты прав, но когда, скажи мне, мы сможем еще сюда вернуться?
- Может быть, никогда, но я хочу остаться в живых. Не хочу заблудиться, идя за этим огромным белым волком.
- Ты ведь знаешь, что мы давно уже свернули с выжженной тропы. Перестань бояться, волк приведет нас в город. По его следам мы сможем найти выход.
- Но мы заблудились, давай выбираться быстрее, пока я не околел.
- Я прошел немного дальше, прежде чем смог понять, что следы волка закончились. Вообще никаких следов. «Так не бывает, – подумал я. – Он должен быть где-то поблизости». Я хотел задать вопрос брату, но понял, что будет только хуже.
- Этот лес ночью прекрасен. Он таит в себе загадку. Здесь может случиться все: как хорошее, так и плохое. Но жизнь – это риск. Нужно иногда пытаться жить неправильной жизнью, чтобы увидеть то, чего нет, то, что скрыто от всех людей.
- Я устал, Майк, и не хочу больше ждать. Впереди мы или позади, нужно двигаться куда-нибудь, лишь бы не оставаться здесь на морозе.
- Я не знал, где мы. Я заблудился еще полчаса назад, когда следы зверя закончились. Быть может, нам лучше подождать, пока наступит утро, и свет прольет дорогу домой.
- Лампа скоро потухнет, Майк!
- Я знаю, значит, нам нужно идти вперед, и стараться, чтобы никто наших шагов не слышал.
- Нужно идти, – сказал я, – нужно выйти из леса. Это красота может нас убить.

Глава 3

- Мы далеко от города, главное – не сворачивать с пути влево или вправо. И кстати, не можешь посмотреть, сколько сейчас времени?
- Могу, Майк, но часы не работают. Они остановились в 11 часов вечера.
- Хуже уже быть не может.
- Только не начинай, ты же знаешь, мы оба согласились на этот поход.
- Да, но мы же не понимали, что тут будет так опасно и темно.
- Ночью всегда темно.
- Ночь не закончится никогда в этом проклятом месте. Ни света, ни каких-то признаков жизни. Я готов поклясться, мы идем уже пять часов, то есть целую вечность, но слышим здесь только лишь ветер, и чьи-то завывания.
- А может, это тоже ветер, пытается нас отвлечь, – сказал я. – Не сдавайся, я уверен, у нас все получится.
- Мне хотелось, чтобы брат был гораздо более уверенным, чем я.
- Стив, опять, ты это слышишь, снова эти крики, мне кажется, это человеческий стон.
- Я тоже подумал об этом. Нам никогда отсюда не выбраться.
- Я рад, что ты наконец это признал. И что мы теперь будем делать?
- То же, что и всегда: ждать и идти, идти и ждать. Только идти осторожно и ждать молча. Высокие деревья в этом лесу, не правда ли?
- Правда, Майк.
- Вот и отлично, хорошо, что мы оба это понимаем. Я стал вглядываться вверх, чтобы понять хотя бы приблизительно, где верхушки деревьев, но сделать этого не смог.

– Очень высоко, можно попробовать взобраться на дерево, чтобы понять, далеко мы от города или нет.

– Я не полезу туда, там слишком высоко, и к тому же у нас нет специального снаряжения.

– Ты думаешь оставаться здесь, когда тут вечно кто-то стонет, безопаснее? Даже если сейчас утро, мы не узнаем об этом из-за деревьев. Так что для нас выход один.

– Это для тебя выход один, а мне, похоже, уже не спастись. Я не могу залезть на дерево, ведь я уже слишком стар и не смогу убежать, если зверь набросится на меня. Так что мне остается лишь смерть, но пока я жив, пожалуйста, залезь на это дерево побыстрее.

– Не бойся, это ни к чему тебя не приведет, воспринимай жизнь и смерть одинаково. Это лишь судьба. Твоя или моя жизнь как-нибудь закончится, и мы ничего с этим сделать не сможем.

– Легко сказать, Стив. Но обмануть себя пустыми надеждами не так-то просто. Человек состоит из страхов, чувств и эмоций. Так что пока мы живы, лезь на дерево, а я буду надеяться, что уже утро.

Глава 4

Времени на то, чтобы залезть на дерево, мне отвелось немного. И вот, наконец, я забрался наверх. И что я увидел? Вокруг ночь и ни одной звезды, чтобы осветить мне панораму. Этого я не учел, когда поднимался. Но я не мог знать, что сейчас ночь, ведь мы были в глубине леса. Придется ночевать наверху. А брат подождет до утра. Надеюсь, скоро станет светло, и я увижу город или выход из леса. Ветки такие сухие и колючие, так что лежать ужасно неудобно, но делать нечего: все лучше, чем внизу. «Потерпи брат, скоро я спущусь», – хотел сказать я. Жаль, я не могу его успокоить. Надеюсь, он сейчас жив, внизу так же темно, как и вверху, лишь под ногами земля вместо веток. И птицы не кричат. Ни разу не слышал их в этом лесу, только волки или один волк. Быть может, он один. Теперь я уже начинаю сомневаться в своих мыслях. Надо найти удобное место для сна. Хотя как тут можно спать, я не знаю. Ну, да ладно, главное – продержаться до утра, а там я пойму, что делать. Это место какое-то неживое. Тут никого нет. В лесу так быть не должно, и это странно. А осознание того, что это странно, вредит мне. Я нашел удобное место, сразу несколько веток сплелись вместе, словно гамак. «Здесь я и лягу. Здесь я и засну», – подумал я.

Глава 5

Я будто во сне. А может, это действительно сон. Я не знаю. Какой-то голос шепчет мне на ухо странные слова. Коверкает фразы, издевается надо мной. Я пытаюсь сопротивляться ему, закрыть уши, но руки меня не слушаются. И вот, наконец, когда мне удастся поднести руки к ушам, я понимаю, что слышу его еще сильнее. Этот голос кричит во мне, как будто это я сам себе говорю, но я успокаиваю себя мыслью, что это не так, иначе я бы просто сошел с ума. Мое тело шевелится. Я лежу, а подо мной неизвестная легкость. И тут я вспоминаю, кто я, и что я действительно совсем один. Величественное небо смотрит на меня. Оно одно знает, на что способен мир вокруг меня. Но мне от этого даже легче. Небо вверху, и я ему доверяю. Оно там, где и должно быть.

Я вспоминаю себя маленьким мальчиком. Я всегда любил небо. А теперь оно – мой единственный друг. Одиночество и страх, вот что я чувствую сейчас. Деревья колышались, но я все еще сплю. Наверное. Как я могу спать на деревьях? Я сам не понимаю, как это происходит. Но должен же я когда-то и где-то спать.

Утром станет все известно, если я проснусь. Но я отвлекся от своей цели, от всего. Пускай мне плохо сейчас, но я знаю, что я на правильном пути. Я пытаюсь спасти всех нас, и рано

или поздно все это поймут. Но чтобы спасти всех, нужно понять, как спасти одного человека. Как спасти себя.

Как громко вокруг. Так громко, будто Бог пытается что-то прокричать. Если это он. А есть ли Бог во мне, и много ли во мне его части? В душе? Я задаюсь этим вопросом, но крик не прекращается. Этот крик не похож ни на что человеческое. Он другой. И я его не понимаю, но почему-то боюсь. Бездействие убивает меня, но я ничего не могу с этим поделать. Кто-то должен мне помочь подняться, проснуться и все забыть. Но его нет, и поэтому мне приходится ожидать своей участи.

Вдруг я понимаю свое существование. Я ничтожен в глазах бога. Я ничтожен в глазах других людей. И волка. Он не ест меня, потому что я ему противен. Дальше я падаю вниз с деревьев. Так мне кажется. Если я упаду, то умру. Солнце, однако, встает, и я открываю свои глаза. Мне больно.

Глава 6

Мы не замечаем своей смерти. Когда я это понял, то перестал спать ночами. Возможно, она приходит, когда дергается глаз на лице. А может быть, и вовсе не видна человеку. Это не значит, что мы не мучаемся, просто момент смерти приходит слишком быстро. И не всегда со старостью. Я также понял, что не стоит бояться смерти, ведь она неизбежна. Она – это то, чего бояться все, но ведь она не приходит просто так. Вся жизнь проносится перед глазами. Эх, когда-то я этого не знал. Быть может, я уже не смогу жить прежней жизнью. Такая чушь. Быть может, я уже умирал. И не один раз. Пока я живу, мне кажется, что смерть, главная смерть приходит в конце жизни. Так считает большинство людей. Но что, если нет? Вдруг мы умираем несколько раз в день или чаще. Это же меняет абсолютно все. Здесь нужен особый взгляд на вещи. Мы умираем и не замечаем этого. Поэтому я не буду совершать самоубийство. Это слишком больно.

И зная, что идти мне уже некуда, я отдаюсь на волю судьбе. Пусть будет очередная смерть незаметной, лишь бы она была не последней. Руки дрожат, наверное, из-за голода. Буду спускаться, ведь то, что я увидел, неутешительно. Буду искать брата, хотя, возможно, его уже внизу нет. Может быть, он нашел выход, хотя, скорее всего, он уже ушел. Было бы хорошо, если бы он выбил у меня эту дурь из башки про смерть и научил меня жить прежней жизнью, но, видимо, этому не бывать. Я не сплю не потому, что мне страшно. Мне просто не хочется спать.

Глава 7

Итак, я спустился вниз медленно и аккуратно. Погода значительно улучшилась, стало теплее, и я подумал, как странно видеть такой резкий перепад температуры зимой. Мне даже стало немного жарко, и пришлось расстегнуть куртку. Внизу я увидел мертвую девушку с черными, как смола, волосами. Ее голое тело валялось в луже крови, и я никак не мог понять, как она умерла. Быть может, ударилась головой или боролась со зверем, но явно не своей смертью. Вдруг снова стало холодно, да так, что по моему телу прошла дрожь, и я увидел рядом своего брата.

– Мне пришлось это сделать, Стив. Она набросилась на меня. В руках у него было ружье.

– Успокойся, тебе надо просто взять себя в руки, – сказал я. – И хорошо, что ты вообще еще жив.

– Я жив только потому, что она мертва, – сказал мой брат. – Она хотела меня убить, но я вырвался из ее цепких лап и смог всадить пулю ей прямо в сердце. Так что теперь она мертва.

Стало прохладней.

– Ну и славно, ведь теперь нам бояться нечего.

Я увидел у брата седые волосы, которых раньше не было.

– Там, наверху, ничего не видно: ни конца, ни края, – стал рассказывать я. – Везде один только лес. Но надо что-то делать, ведь просто так мы умрем с голоду.

– Ты прав, мы умрем, если останемся здесь, – он откашлялся. – И чтобы выбраться, нам надо будет долго бродить по лесу.

– Тело девушки надо похоронить.

– Не стоит ее трогать, Стив, она монстр. Еще бы немного, и меня бы не было в живых, но мне повезло.

Что ж, тогда нам надо двигаться, а то волк может прийти в любую секунду.

– Разве ты слышишь вой? Не стоит их бояться: они такие, как мы. Точно такие же.

– Ты, верно, с головой не дружишь. Они гораздо страшнее, чем ты думаешь.

– Они не способны причинить вред, они лишь пытаются выжить так же, как мы.

– Да, но, чтобы выжить, им нужно будет убить нас.

– Это закон жизни. Нужно что-то делать, чтобы жить дальше.

Брат обронил ружье, и я смог увидеть его руки, которые больше не были похожи на руки. Глаза не были похожи на глаза. Он превратился в чудовище. Словом, он больше не был моим братом.

– Закон жизни, Стив, – убивать, чтобы жить дальше. Жестокий, по-настоящему жестокий закон.

Планета яблок знаний (откровения Бога)

Глава 1

Я не знаю, что будет со мной, если я забуду все, что узнал за последние дни. Время, что прошло для меня впустую, – потерянное время. Каждый день я чему-то учусь и узнаю что-то новое. Но сейчас не об этом. Сейчас я хочу увидеть таких же, как и я, и научить их тому, чему научился сам. Это непросто, и, возможно, я потеряю кучу сил, но это не главное. За каждое разумное существо я получу долгожданное время в раю. А рай – это то, к чему стремятся все, понимаете. Только там я буду счастлив. В моих силах изменить свою жизнь, и я знаю, что способен на большее. Я – бог для каждого, кто неразумен настолько, насколько я, но для всех остальных я – обычный смертный, ведь я никак не могу повлиять на их судьбу, так как они другие. А для других я никто, возможно, даже враг. Мне не нравится их вид, и они подчиняются другим богам, и другие боги им помогают. Это достаточно странно, и сложно, если не сказать хуже, но так уж устроен этот мир: у каждого живого существа есть свой бог.

Это, например, я узнал вчера. А что я узнаю сегодня, пока остается в тайне. Но факт остается фактом: каждый день я становлюсь умней. Что ждет меня в конце, когда я узнаю все секреты? Я стал замечать, что с каждым разом как я становлюсь умней, меняется мое здоровье. Мне становится хуже, болит голова или сердце. Когда меняется что-то одно во мне, меняется и другое. Наверное, так уже было раньше, но я забыл. Память может стираться, я это заметил. Иногда, когда я слишком много думаю, я забываю некоторые вещи. И тогда я стараюсь расслабиться и отдохнуть, так как понимаю, что этот процесс мне не подвластен. Я хоть и бог, но не знаю многих вещей. Вы спросите: зачем тогда нужен такой глупый бог? На что я отвечу: «В мире много богов, и ни одного умного, потому что умных богов не существует». Есть просто боги, которые знают чуточку больше других богов. Эта планета состоит из людей и богов. Боги стремятся в рай, а люди и знать не знают, что это такое. Знаете, что нужно, чтобы человек стал богом? Вера. Бог может помочь человеку стать богом, если тот в него верит и делает то, что он ему скажет. Это своеобразный закон. Но бог может и отказать. Не каждый человек может стать богом. Не все способны понять бога и сделать то, что он просит.

А что же такого хорошего в раю, что все туда стремятся? Там летают ангелы? Вовсе нет, да они там и не нужны. Почему боги туда стремятся? Потому что там нет смерти, нет болезней и бед. Однако там тоже есть свои порядки. К сожалению, долго там не живут, и потом бог опять попадает на планету страданий. А там опять надо чему-то учиться и чему-то учить. Это я узнал сейчас. Завтра будет новый день, новые знания и новая боль. Но я опять слышу шум. Значит, я опять что-то узнаю. Я слышу, что кто-то живет в раю вечно. Я слышу также, что эти счастливики ничего не знают про богов и про простых смертных. Они родились в раю, и им там скучно. Они мечтают испытать боль, но им это никогда не удастся. Я не знаю, как их зовут. Никто не знает. За то время, что я был в раю, я их ни разу не видел. Боги завидуют им, но, наверное, счастливее богов никого нет, ведь только они могут побывать и в раю, и на планете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.